

УДК 32.01+141.82

МАРКС И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВА АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Прослеживаются генезис, эволюция и тенденция развития ценностных оснований марксистской мысли (классический марксизм, ленинизм и неомарксизм). Отмечено, что в аксиологическом измерении марксизм представляет собой последовательный процесс развития ценности вовлеченности и ценности практики. Показано, что в целях реализации ценности вовлеченности в рамках марксизма-ленинизма разработан концепт активной социальной практики как политической революции, а в неомарксизме – концепт пассивной социальной практики как культурной революции и коммуникативной самоорганизации масс. Обосновано утверждение о том, что новой темой марксистской мысли XXI в. станет потенциал созидания свободной жизни в виртуальном пространстве. Выявлена угроза для современного марксизма со стороны капитала: объявление виртуальной реальности пространством потребительской компенсации. Сделан прогноз, согласно которому новым авангардом антикапиталистической борьбы станет IT-сообщество.

Ключевые слова: антикапиталистическая борьба; виртуальная реальность; культурная революция; марксизм; множество; неомарксизм; отчуждение; потребление.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г16КАО/А-006).

MARX AND VIRTUAL REALITY: THE EVOLUTION OF THE AREA OF ANTI-CAPITALIST STRUGGLE

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The genesis, evolution and development trend of the Marxist values (classical Marxism, Leninism and neo-Marxism) were revealed. In axiological dimension, Marxism is a coherent process of developing the value of practice. Within the framework of the Marxist-Leninist tradition, an analytical attention was paid to the active violent action. Neo-Marxists suggested another interpretation of the value of practice which are the concepts of Cultural Revolution and self-organization and self-reproduction of masses. We suggest the potential of virtual reality as an area free from capitalism to become a new branch of Marxist thought. The threat is that capital can resolve class contradictions by declaring virtuality as the area of «consumer compensation». It is the IT elite, which being at the forefront of modern Marxism, can implement the concept of virtual overcoming of global alienation.

Key words: anti-capitalist struggle; virtual reality; cultural revolution; marxism; multitude; neo-Marxism; alienation; consumption.

Acknowledgements. The article was supported by the Belarusian Republican Foundation for fundamental research (договор № Г16КАО/А-006).

Образец цитирования:

Михайловский В. С. Маркс и виртуальная реальность: эволюция пространства антикапиталистической борьбы // Журн. белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 73–81.

For citation:

Mikhailouski V. S. Marx and virtual reality: the evolution of the area of anti-capitalist struggle. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 73–81 (in Russ.).

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vadim S. Mikhailouski, PhD (political science); associate professor at the department of political science, faculty of law.
vadim2015minsk@tut.by

Призрак Маркса бродит по миру... Эта аллюзия образно отражает приближающуюся череду конференций, посвященных 200-летию со дня рождения немецкого философа, которые пройдут по всему миру¹.

«Марафон» профессиональных марксистов стартовал еще в начале 1920-х гг. в «Летней академии» в Тюрингии, организованной венгерским философом, основателем неомарксизма Д. Лукачем. Приобретая определенные региональные особенности (западный, восточноевропейский, советский, латиноамериканский, китайский марксизм), глобальный марксистский академический дискурс не прекращал своего развития и пропитал собой все социальные науки. Даже на закате перестройки советские интеллектуалы призывали не отворачиваться от марксизма. Интересна мысль философа П. Г. Щедровицкого о том, что отказ от марксистского понятийного аппарата означает для исследователя выпадение из «культуры мысли». Ученый писал: «Если я отбрасываю марксизм, то... я отбрасываю весь европейский строй понятий и оказываюсь голеньким» [1, с. 334]. Несмотря на споры о роли марксизма, его значении как научной теории и идеологии, он остается неотъемлемой частью наших интеллектуальных поисков и дебатов.

Однако марксизм – это не только «кабинетные» исследования и журнальные публикации, но и реальная политическая борьба. Исследуя процесс институционализации марксизма, российский социолог Б. Ю. Кагарлицкий образно писал об уходе марксизма «в академическое гетто» [2, с. 65]. И действительно, практика адептов марксистской идеологии сводится в настоящее время к привычному для академических кругов формату конференции, форума или круглого стола. Все это вновь актуализирует уже классическую неомарксистскую проблему поиска агентов (субъектов) антикапиталистической борьбы. Однако именно недостаточные успехи неомарксизма на этом интеллектуальном поприще требуют от нас иной аналитической акцентуации: проблема субъекта борьбы должна быть дополнена проблемой пространства борьбы. Это связано с тем, что любая альтернативная практика агентов антикапиталистического сопротивления осуществляется в рамках структурированного капитализмом социального пространства, определяющего условия жизни этих агентов и, следовательно, детерминанты их критического сознания. Подобная сложная взаимная детерминация идеального и материального в воспроизводстве капи-

талистического порядка усложняется развитием информационных технологий и появлением виртуального пространства общественного дискурса и человеческого труда.

Цель данной статьи – проследить эволюцию марксистской ценности социальной практики и выявить современных агентов марксизма, а также пространство их антикапиталистической борьбы.

Марксизм родился как философия реального гуманизма и был детерминирован противопоставлением гуманизма капитализму. Сущность гуманизма раннего периода творчества К. Маркса (работа «Экономическо-философские рукописи 1844 года») заключалась в признании ценности человека, свободного от абстрактных формул, приобретающих «значение законов» [3, с. 322]. Несвобода в марксистском понимании есть «выключение» человека из жизни, подчинение его внешним обстоятельствам, которые воспроизводятся как социальные универсалии. Свобода – возможность осознанной счастливой жизнедеятельности, в которой человек утверждает себя в противоположность животному.

В марксистском понимании человек свободен не только в осознании жизни, но и в ее практическом созидании – в этом единстве проявляется его *вовлеченность во внешний мир* и преодоление отчуждения. Человек становится человеком не тогда, когда удовлетворяет свои физические потребности, а когда вопреки удовлетворенным физическим потребностям вовлекается в дальнейшее созидание жизни. Свободный труд – это деятельность, результат которой не имеет значения для физического воспроизводства человека. Предмет свободного труда, как писал К. Маркс, – это «самостоятельность», «произведение» человека; в труде «человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [3, с. 332].

Капитализм оборачивает труд против вовлеченности человека во внешний мир: «изнурение» в труде и отчуждение от результата труда не утверждает, а отрицает человека. Рабочий «вкладывает жизнь» в продукт своего труда, однако созданный предмет ему не принадлежит. Он вместе с жизнью рабочего (временем, силами, чувствами) принадлежит другому и противостоит человеку как враждебная сила. Противоречие капитализма заключается в том, что человек может быть свободным только вне капиталистических трудовых отношений, ибо принудительный труд – это самоистязание и жерт-

¹В этом году марксистский академический дискурс будет актуализирован на научных форумах во всех уголках Земли: в Австралии («Радикальные идеи для мира. Марксизм-2018»), Германии («Маркс-200: политика, теория, социализм»), Индии («Карл Маркс: жизнь, идеи, влияние»), Ирландии («Возрождение марксизма: призраки будущего»), Китае (Второй мировой конгресс по марксизму), России («Маркс: ученый, революционер, человек»), Словении («От Гегеля к Мао и далее: долгий путь китаизации марксизма»), США («Маркс и политические проблемы»), Швеции (Марксистско-феминистская конференция) и др.

венность отчужденной жизни. В результате человек не может обрести самого себя: он зажат между природой и капитализмом, что обрекает его на судьбу животного. Как утверждал К. Маркс, человек в своих человеческих функциях (труде) становится животным, а в животных (еда, питье, половой акт и т. д.) – человеком [3, с. 328]. Существование человека лишается осознанного и вольного начала, а его способность трудиться (как способность выйти из мира животных) оборачивается включением в мир принуждения и эксплуатации.

Цель созидания свободного общества поставила перед К. Марксом вопрос о средствах его достижения. Согласно марксистской мысли противоречие отчужденного труда должно разрешиться активной *практикой* нового субъекта истории – пролетариата.

Несмотря на наделение пролетариата исторической миссией, тексты основоположников марксизма не лишены и критических замечаний. Так, исследуя опыт Парижской коммуны, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу о недостаточной организованности пролетариата в его борьбе [4, с. 625]. Однако политическая теория марксизма, соизмеримая с экономической теорией, так и не была разработана. Этим делом занялся В. И. Ленин. В своем учении о партии нового типа лидер русских революционеров ставил задачу «повести по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач» весь остальной пролетариат [5, с. 201].

Марксистско-ленинская традиция определила в качестве места антикапиталистической борьбы экономическое пространство государства. Задача пролетариата сводилась к захвату средств производства путем уничтожения государственной «машины принуждения»². Такая локализация революции имеет негативное последствие – ускорение политического времени. С одной стороны, революция видится актерам как коллективное целодостижение «здесь и сейчас», но, с другой стороны, не учитывается сложный субъективный фактор политической борьбы. Марксистское исследование сферы сознания требовало рассмотрения идеологием, оставшихся после насильственных революционных изменений как «пережитков», «родимых пятен» старого строя и не уделяло им существенного внимания как факторам, во многом определяющим новые общественные отношения.

Первым на значение субъективного фактора в рамках марксистских исследований обратил внимание Д. Лукач. Он подчеркивал, что «обществен-

ная борьба проявляется в идеологической борьбе за сознание» [6, с. 157]. Важным этапом, определившим новые подходы неомарксистов к познанию субъективного фактора в истории, была публикация работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи» (1932). По словам Д. Лукача, работа над текстами, вошедшими в это издание, привела к тому, что он стал иначе трактовать марксизм [7, с. 56–57]. Если первоначально вопрос о сознании рассматривался марксистами как проблема субъекта в истории, то ознакомление с марксистской идеей отчуждения определило иную направленность анализа – изучение ложной «объективации» капиталистического порядка в сознании актора. Так, К. Маркс писал о ложных представлениях людей о самих себе, но детально не рассматривал механизмы функционирования ложного сознания. В свою очередь Д. Лукач, а затем и теоретики франкфуртской школы отталкивались от идеи К. Маркса о наличии отчужденного труда как «самостоятельной силы», однако сконцентрировали внимание на проблеме самостоятельности именно ложного сознания, которое противостоит субъекту, но является порожденным им. Неомарксисты (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ж. Бодрийяр, С. Жижек и др.) расширили марксистскую теорию овеществления, применив ее не только к труду, но и к сфере сознания и обществу в целом, и выстроили свой дискурс вокруг категории «отчужденная жизнь».

Широкая трактовка отчуждения определила и новое обобщенное понимание эксплуатации. Неомарксисты исходили из того, что в современном капитализме при определенной минимизации эксплуатации в экономической сфере происходит углубление репрессивности и нарастание классовых деформаций в культуре.

Перенос дискурса эксплуатации из экономической сферы в культурную и определил понимание того, что насильственным революционным актом и захватом средств производства не удастся преодолеть отчуждение *образа жизни* людей. Марксистско-ленинскую идею революции неомарксисты заменили концептом культурной революции и стали писать не о бунте, а о «великом отказе». В частности, Г. Маркузе отмечал: «Индивиды воспроизводят репрессивное общество в своих потребностях, которые сохраняются даже в ходе революции, и именно эта преемственность до сих пор препятствовала скачку от количества к качеству свободного общества» [8, с. 20]. Неомарксисты обратились к анализу значения ценностей в воспро-

²Идея насильственного захвата власти является классической для политической истории. При этом во все времена она сводилась к захвату важного сооружения (храм, замок, резиденция). Образ захвата транслируется в литературе и кинематографе, нивелируя значение других ресурсов власти. В качестве яркого примера можно привести вымышленный фрагмент штурма рабочими и солдатами Зимнего дворца в фильме С. М. Эйзенштейна «Октябрь», где камера крупным планом фиксирует солдатский сапог на копии короны Российской империи, вмонтированной во входные ворота дворца.

изводстве капитализма, а революцию стали трактовать как переоценку ценностей и потребностей.

Новое понимание революции означало утверждение марксистской ценности *пассивной социальной практики*. «Местом» реализации антикапиталистического сопротивления было объявлено культурное пространство, или (более точно) пространство человеческой субъективности. На смену марксистской локализации политической борьбы пришла идея повсеместности политики, или, говоря неомарксистской терминологией, «а-локальности» политики. Таким образом, в теоретических размышлениях неомарксистов о сущности антикапиталистического сопротивления происходит переосмысление антагонизма субъекта и системы социального порядка. Был сделан вывод о том, что если система и существует, то она является ложной и повседневной практикой актора, воспроизводящейся как универсальность. В результате неомарксисты уменьшили значение политического действия как автономной практики. Локальное сопротивление капиталистическому порядку, согласно их подходу, неэффективно в силу того, что уменьшает потенциал повсеместного сопротивления капитализму как «единственно верному» варианту общества. Преодоление локальных сопротивлений встроено в капиталистическую систему, а пространство субъективного сопротивления не вписывается в логику репрессивного аппарата государства.

Неомарксистский вариант ценности практики стал результатом прочтения работ К. Маркса исходя из современных исторических условий. Неомарксистский дискурс стал особенно актуальным в 1960-х гг. – в период, который формировал завышенные ожидания в реальности государства всеобщего благосостояния. Революционное сознание рабочего класса в обществе потребления оказалось уязвимым к демонстрации потребительской эффективности капитализма. В таких условиях неомарксистская мысль столкнулась с исторической неактуальностью марксистской категории пролетариата, но сама ценность практики продолжала доминировать и требовала поиска подходящих субъектов культурной революции.

В фокус аналитического внимания попали радикальные интеллигенты, а также иммигранты. Общие черты этих двух групп, указывающие на их новый революционный потенциал, отмечал Г. Маркузе. К числу таких общих характеристик относятся: отрицание любых видов и форм эксплуатации, настойчивое требование не только новых институтов, но и самоопределения, недоверие ко всем идеологиям, включая социализм; непринятие псевдо-

демократического процесса [9, р. 31]. Немецким философом была сделана ставка на «маргинальные» силы, поскольку именно в радикальных практиках этих субъектов он видел их невключенность в капиталистический порядок, выпадение из него, следовательно, и способность к радикальным преобразованиям.

Идея культурной революции нашла отклик у новых сил антикапиталистического сопротивления – европейской и американской молодежи середины XX в., однако была ими искажена. Это наглядно проявилось по отношению к творчеству Г. Маркузе. Теоретик неомарксизма сам опровергал свою связь со студенческими выступлениями 1968 г. [10, р. 64]. Дело в том, что, несмотря на применение новой тактики антикапиталистической борьбы, так называемые новые левые в 1968 г. действовали насильственными методами, свойственными «старым левым». Это критическое замечание относится и к современным последователям тех событий – антиглобалистскому движению, которое также не признается неомарксистами как потенциальная сила антикапиталистического сопротивления [11, с. 21].

Несмотря на дихотомию марксистского и неомарксистского понимания пространства антикапиталистической практики и ее субъектов, в аксиологическом измерении можно говорить о преемственности марксизма и неомарксизма. Весь марксистский дискурс философии фундирован ценностью вовлеченности, а расхождение в содержательном наполнении ценности практики является результатом приверженности к общим марксистским методологическим основаниям. И это относится не только к неомарксизму, но и к классическому марксизму. В XIX в. отказ от ценностей капитализма, воспроизводства капиталистической жизни сводился бы к отказу от принудительного труда. Преобразовывая производственные отношения, пролетариат изменял свою жизнь в целом. Экономический детерминизм К. Маркса – это не пренебрежение другими сферами жизни человека, а историческая обусловленность, показывающая первоочередное (тотальное) значение трудовых отношений в жизни пролетариата XIX в. Таким образом, в теории марксистов и учении неомарксистов цель в итоге одна и та же – изменение жизни целиком.

Ценность вовлеченности продолжала доминировать в неомарксистском дискурсе XXI в. С нашей точки зрения, ее квинтэссенцию выразили лидеры современного неомарксизма – американский философ М. Хардт и итальянский мыслитель А. Негри³, которые применительно к современному обществу

³Подробнее о значении творчества М. Хардта и А. Негри для неомарксизма см.: Михайловский В. С. Концепция «Империя» М. Хардта и А. Негри в контексте неомарксистской интерпретации глобального порядка // Весн. Грод. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2016. № 3. С. 123–128.

отметили: «В действительности мы – хозяева мира, потому что наше желание и труд непрерывно его обновляют и возрождают» [12, с. 358]. Однако так же, как перед неомарксистами XX в. стояла задача адаптации ценности вовлеченности к условиям общества потребления, для современных неомарксистов актуальна проблема адаптации ранних работ К. Маркса к условиям развитого информационного общества. Так, М. Хардт и А. Негри концептуализировали ценность практики как «бегство» от капитализма, «антропологический исход», формирование «новых варваров» [12, с. 201, 203, 204]. В обоснование своей идеи философы проанализировали пространство коммуникации как единственно, по их мнению, еще свободную от капиталистической эксплуатации часть социального пространства.

Новые средства коммуникации, порожденные современными информационными технологиями, привлекли внимание неомарксистов потенциальной возможностью формирования нового жизненного пространства. Управление информационными потоками является эффективным средством господства над сознанием масс, но сама по себе коммуникация «не переходит в абстрактную форму под контролем государства» [12, с. 372]. Коммуникация выступает средой, в которой может возникнуть «общий интерес» как новая форма свободы. Как отмечали М. Хардт и А. Негри, «контроль над смыслами и значениями языка, а также над сетями коммуникации становится основным предметом политической борьбы» [12, с. 372].

Многие исследователи указывали (и мы с ними можем согласиться), что критика современного общества в неомарксизме намного сильнее, чем в классическом марксизме, в котором определялись поступательные действия по ликвидации социальной репрессивности и достижения общества подлинного гуманизма. Теория М. Хардта и А. Негри не исключение. Авторы сами отмечали, что не «предлагают конкретный план действий», а стараются «разработать теоретические основания, на которые мог бы опереться новый демократический проект», который они обозначили как «демократия множества» [13, с. 395].

Множество – это политическая субъектность современной массы, которая объективно формируется в результате глобализации как своеобразная сеть «жизни сообща». Для множества характерными признаками являются сохранение личностного различия субъектов, его составляющих, открытость и широкий социальный охват (в этом состоит отличие данного феномена от класса пролетариата в марксистском понимании) [13, с. 1–5]. Предложенный М. Хардтом и А. Негри проект обосновывал возможность истинной демократии вне рамок государственного суверенитета. Этот проект задает модель общества, в котором социальная практика

не должна быть опосредована властным предписанием, юридическим обоснованием и политическим делегированием. По сути, М. Хардт и А. Негри приходят к модели полного тождества общественной практики и ее властного верховенства. Практика множества суверенна в силу того, что просто воспроизводится в рамках нового общества. Однако необходимо все время иметь в виду, что множество – это та часть населения человечества, которая недовольна существующим порядком, осознает его причины и свои желания по организации новой жизни. Этим и определяется убежденность неомарксистов в том, что практики множества в новом порядке не могут носить деструктивный характер. Результат нового антикапиталистического сопротивления в современном мире, по мнению М. Хардта и А. Негри, будет заключаться в постепенном «изгнании суверенитета из политики», но это будет возможно только в том случае, если «множество станет способным владеть собой» [13, с. 133].

Ценность практики коммуникативной самоорганизации и самовоспроизводства массы – это итог развития марксистской мысли на современном этапе. Марксизм во всем многообразии своих проявлений – метод аналитической критики капитализма. Более того, марксизм конституируется путем отрицания капитализма. Российский исследователь Г. А. Антипов писал, что пролетариат – это «маргинал», который «не может интегрироваться в жестко статусное общество» и которому остается только «адаптировать общество под себя» [14, с. 134]. Марксистская мысль на протяжении своей истории исходила из того, что после революции (пролетарской или культурной) капиталистический порядок исчезнет, т. е. мир отчуждения трансформируется в мир гармонии. Революция понималась как *отношения* с капитализмом. В своих разработках М. Хардт и А. Негри отказывают современным силам сопротивления в каком-либо взаимодействии с капитализмом и тем самым окончательно преодолевают традицию марксистского дискурса как постоянной реакции на капитализм. Теоретики утверждают: «Акт отказа от отношений с сувереном есть своего рода исход, уход от сил подавления, порабощения и угнетения в поисках свободы» [13, с. 410]. В ситуации сопротивления множества марксистский дискурс остается наедине с собой, так же как и марксистский субъект эмансипации. Коммуникативная самоорганизация масс означает отказ адептов марксизма от претензий на повсеместное признание.

Концепция демократии множества, как и вся марксистская традиция, недостаточно аргументирована в вопросе пространства сопротивления. Идея коммуникации как своеобразного параллельного социального пространства не выдерживает критики в рамках самого неомарксизма. Дело

в том, что неомарксистским парадигмальным основанием является убежденность в тотальности капиталистического порядка. Наиболее четкое выражение эта идея получила в концепции идеологических аппаратов государства французского философа Л. Альтюссера⁴. Идеологические аппараты государства (религиозный, школьный, семейный, юридический, политический, профсоюзный, информационный, культурный) – это социальное пространство капиталистического порядка. Нет социального пространства вне идеологических аппаратов государства. Альтернативная практика и любое политическое действие разворачиваются в рамках структурированного капитализмом пространства, ритуалы которого определяют субъективность акторов. Данная ситуация была определена другим французским философом Э. Балибаром как «двойной зажим» (*double bind*), т. е. порядок, в котором «государственная социализация» ограничивает «индивидуальные или групповые практики», но не «исключает ни противостояния масс, ни революций, какова бы ни была их политическая форма», в силу того что оформляет их в «цикл», в котором «сопротивление эксплуатации позволяет распространять ее» [15, с. 205]. В ситуации «двойного зажима» борьба масс приобретает специфический характер и представляет собой противостояние системе внутри системы по ее правилам. С нашей точки зрения, «двойной зажим» может быть определен как состояние формации, в котором сопротивление капитализму структурно вписано в способ существования капитализма как фактор его существования.

Наиболее показательно «двойной зажим» проявился в отношении движения хиппи. Некоторая часть его приверженцев действительно восприняла идею «великого отказа» как пассивную социальную практику, но смогла ее реализовать только вне капиталистического социального пространства путем создания своих автономных поселений. Однако капиталистическая система обыграла эту ситуацию в свою пользу: представила практику хиппи в глазах широкой общественности как противоречащую здравому смыслу.

Стоит отметить, что демократия множества описывалась М. Хардтом и А. Негри не только как свободная коммуникация, но и как постфордистская экономическая реальность с уникальным единичным характером труда современного пролетариата и его способностью творить. Идея эмансипирующего значения имматериализации труда поднималась и итальянским философом П. Вирно в книге «Грамматика множества». В российской философской литературе эта тема рассмотрена в работах

представителей научной школы Пермского классического университета (В. В. Орлов, Т. С. Васильева, В. С. Гриценко и др.). Ученые утверждают, что современный имматериальный труд – это «новая форма социальной реальности» [16, с. 27]. В частности, В. В. Орлов предлагает рамочную философскую концепцию экономики постиндустриального общества, связанную с новой нетоварной формой трудовой стоимости. Основой этой концепции является представление о «компьютерном труде... как о современной форме предсказанного Марксом “всеобщего” труда» [17, с. 59].

Мы согласны с тем, что пространство коммуникации и имматериального труда может стать пространством свободного дискурса и творческой реализации. Однако жизнь при капитализме – это не только дискурс и творчество, но и обыденные социальные практики во всем многообразии своих проявлений. В противном случае множество будет представлять собой современных хиппи и может повторить их судьбу. Во избежание этого обозначенный неомарксистами «антропологический исход» должен быть осуществлен в полном объеме. С нашей точки зрения, следует говорить о *сосуществовании с капитализмом в параллельном социальном пространстве виртуальной реальности*. Это даст возможность adeptам марксизма реализовать ценность вовлеченности в жизнь в условиях тотальности капиталистического порядка и повсеместного кризиса критического сознания.

Практическая возможность виртуального сосуществования с капитализмом гипотетична и является предметом футурологии, хотя такие явления, как компьютерные игры, онлайн-покупки, криптовалюты, уже гарантируют частичную реализацию идеи М. Хардта и А. Негри об отсутствии государственного санкционирования социальных практик. Однако в рамках современных марксистских теоретических изысканий для нас важно ответить на другие вопросы.

Является ли уход в виртуальное пространство капитуляцией марксизма? На наш взгляд, нет. Как писал французский философ К. Касториадис, сам К. Маркс был первым, кто доказал, что значение теории «невозможно понять вне связи с исторической и социальной практикой, с которой она соотносится, в которой она продолжает себя и обоснованием которой она служит» [18, с. 9]. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин высказывал мнение о появлении в будущем новых «диких» форм материи, которые будут влиять на диалектический материализм [19, с. 298]. Виртуальное пространство является реалией XXI в., следовательно, и реалией современного марксиз-

⁴Подробнее см.: Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкоснов. запас. 2011. № 3. С. 14–58.

ма. В настоящее время имеет место информационный капитализм, и марксизм, как антипод капиталистического мироустройства, не может не реагировать на эти изменения. Российский ученый С. В. Орлова в своих исследованиях уделяет особое внимание этому вопросу и утверждает, что марксизм «содержит наиболее развитый инструментарий, позволяющий разработать новую концепцию – философию информационного общества» [16, с. 28].

Внедрение проблематики виртуальной реальности в марксистский дискурс находится в общих рамках неомарксистской парадигмы. Еще в начале 1920-х гг. Д. Лукач и К. Корш вышли на формирование неомарксизма как аналитического обращения к гегельянским основам марксизма в целях изыскания значения субъективного фактора для привнесения его в марксистскую онтологию общественного бытия. У основателей неомарксизма не было цели «вывернуть» марксизм в рамках идеализма. Речь шла о придании системе принципов К. Маркса «новой целостности» [20, с. 147]. Внимание к теме виртуальной материи – обращение к материалистическим основам марксизма в условиях усложнившейся объективной реальности. Марксизм в своем развитии движется по спирали и возвращается к истокам через гегелевское «снятие» (*Aufhebung*), т. е. через сохранение сути понятия и его повторное подтверждение на новом уровне исторического развития.

Что является главным препятствием для марксистского пространства виртуальной свободы? Потребление и потребитель. Противоречие виртуальной свободы отражается во фроммовском вопросе: «Иметь или быть?». Уход в виртуальное пространство в условиях господства массовой культуры потребления может означать бегство от социальной активности в пространство виртуальной безответственности. Марксистский критицизм вступает в конкуренцию с возможностью прожить жизнь по западному потребительскому образцу, но в более доступных виртуальных формах. Виртуальное пространство может быть колонизировано капиталом ранее, чем его займет множество. Нам видится, что в условиях ограниченных ресурсов и продолжающегося экономического расслоения мирового населения капитал разрешит глобальное противоречие тем, что объявит виртуальность пространством потребительской компенсации: начиная от вирту-

ального потребления товаров и услуг и заканчивая виртуальным наделением социальным статусом.

Наиболее уязвимой группой капиталистического мироустройства являются безработные. В целом проблематика работы и значение ее переосмысления для нового общества интересовала неомарксистов. Этому вопросу в рамках социально-политических исследований наибольшее внимание уделял французский экономист и политолог А. Горц⁵. Также Ж. Бодрийяр, рассуждая о конкретных способах выпадения из капиталистической системы, описывал значение массового отказа от «труда, заработной платы и потребления» [21, с. 106]. С нашей точки зрения, потенциал критического сознания современных безработных (прекариата⁶), а также (что более актуально в настоящее время) иммигрантов ничтожно мал. Среди всех социальных слоев западного общества именно иммигранты наиболее терпимы к эксплуатации. Современная трудовая эксплуатация в развитых странах менее тягостна по сравнению со сверхэксплуатацией в странах глобальной периферии. Более того, вознаграждение за эту эксплуатацию позволяет иммигранту приблизиться к потреблению по западному образцу, тем самым уменьшая чувство социального и экономического отчуждения. «Великий отказ» от капитализма в понимании иммигранта – это отказ от той жизни, ради которой он покинул родину и, возможно, свою семью. Безработный иммигрант будет бороться не против капиталистического порядка, а за его «инклюзивность».

Что силы сопротивления могут сделать на сегодняшнем этапе развития виртуального пространства? Вести идеологическую борьбу за «ИТ-технократию». Эта стратегия видится более реальной, чем попытка реванша культурной революции масс. Облик и возможности виртуального пространства зависят от его разработчиков – специалистов в области информационных технологий. В 1968 г. первые студенты, изучающие информационные технологии, не поддержали студенческие бунты, парируя толпе тем, что, разрабатывая компьютерные программы, именно они делают «настоящую» революцию⁷. Спустя 50 лет наступает время предложить объединить усилия в революционном преобразовании действительности. Именно ИТ-элита, находясь в авангарде современного марксизма, способна реализовать концепт виртуального преодоления глобального отчуждения.

⁵Подробнее о неомарксистской критике работы у А. Горца см.: Gorz A. Farewell to the working class: an essay on post-industrial socialism. London, 1997.

⁶Подробнее о понятии «прекариат» см.: Тощенко Ж. Т. От пролетариата к прекариату (о возникновении нового класса) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 95–101.

⁷Подробнее см.: Бурмистров П., Жутаев Д., Великовский Д. [и др.] 1968: год великого перелома [Электронный ресурс] // Рус. репортер. 2008. № 16 (46). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2008/16/god_velikogo_pereloma/ (дата обращения: 16.01.2018).

В аксиологическом измерении марксизм представляет собой последовательный процесс развития ценности вовлеченности в жизнь и ценности практики. Ценность вовлеченности была генерирована К. Марксом в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и заключалась в созидании жизни, свободном от физических потребностей труде. Эта ценность сохранила свое доминирование и в рамках неомарксизма. Исходя из широкой трактовки отчуждения и эксплуатации, на основе следования марксистскому принципу необходимости исторической обусловленности теории ценность вовлеченности была интерпретирована неомарксистами как созидание жизни в свободном от ложных ценностей социальном пространстве.

Ценность вовлеченности потребовала от марксистской мысли выработки способа ее реализации. В рамках марксистско-ленинской традиции ставка была сделана на ценность практики как активного насильственного действия. Однако кризис революционного стремления масс эпохи государства всеобщего благоденствия и первоочередное аналитическое внимание проблеме свободы сознания определили иную неомарксистскую интерпретацию ценности практики. Она свелась к практике социальной пассивности как культурной революции, сознательному отказу от ценностей капитализма. Этот подход сохранился в неомарксизме XXI в. и был адаптирован философами М. Хардтом и А. Негри к условиям развитого информационного общества: ценность практики коммуникативной самоорганизации и самовоспроизводства массы.

Исходя из проведенного анализа можно обозначить тенденцию, в соответствии с которой ценность вовлеченности будет воспроизводиться в марксизме как собственная ценностная самоидентификация, а ценность практики – совершенствоваться путем адаптации к реальным историческим условиям.

Главное для марксистской мысли – это поиск пространства для реализации альтернативной социальной практики. В марксизме-ленинизме, несмотря на экономический детерминизм, таким пространством была государственная власть, в неомарксизме – образ жизни людей, в современном неомарксизме – пространство коммуникации. Горизонты марксистской борьбы расширяются вместе с расширением границ человеческой реальности. Наш прогноз состоит в том, что новой темой марксистской мысли станет потенциал виртуального созидания. В условиях тотальности капиталистического порядка и повсеместного кризиса критического сознания масс это станет возможностью для адептов марксизма реализовать ценность вовлеченности в жизнь в полном объеме. Угроза кроется в том, что в ситуации ограниченных ресурсов и продолжающегося социально-экономического расслоения мирового населения капитал может опередить силы сопротивления путем объявления виртуальности пространством потребительской компенсации. Исход новой борьбы будет зависеть от того, кто первым заручится поддержкой «армии айтишников».

Библиографические ссылки

1. Щедровицкий П. Г. Марксизм – это не только Маркс // Освобождение духа : [сборник] / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М., 1991. С. 332–335.
2. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М. : Алгоритм : Эксмо, 2005.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы : [сборник] / сост. И. А. Гобозов. М., 2010. С. 303–358.
4. Энгельс Ф. Запись речи Ф. Энгельса о Парижской Коммуне // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 17. 2-е изд. М., 1960. С. 625.
5. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 36. 5-е изд. М., 1974. С. 165–208.
6. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М. : Логос-Альтера, 2003.
7. Lukacs G. Lukacs on his life and work // New Left Rev. 1971. № 68. P. 49–58.
8. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6. С. 18–23.
9. Marcuse H. Re-examination of the concept of revolution // New Left Rev. № 56. P. 30–38.
10. Marcuse H. The problem of violence and the radical opposition // Collected of papers : in 4 vols. / ed. D. Kellner. New York, 2005. Vol. 3. P. 56–75.
11. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М. : Ад Маргинен, 2003.
12. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004.
13. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культур. революция, 2006.
14. Антипов Г. А. Расставание с марксизмом // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32). Т. 1. С. 132–146.
15. Балибар Э. От классовой борьбы к бесклассовой борьбе? // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 177–210.
16. Орлов С. В. Марксизм и становление философии информационного общества // Новые идеи в философии. 2015. № 2 (23). С. 25–30.
17. Орлов В. В. Марксизм и постиндустриальное общество // Вестн. Вят. гос. ун-та. 2010. Т. 4, № 4. С. 55–60.
18. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М. : Гнозис : Логос, 2003.
19. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 18. 5-е изд. М., 1968.
20. Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге ; М. : Лет. сад, 2004.
21. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2009.

References

1. Shchedrovitskii P. G. [Marxism is not only Marx]. In: *Osvobozhdenie dukkha*. [Liberation of spirit]. Moscow, 1991. P. 332–335 (in Russ.).
2. Kagarlitskii B. Y. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for training]. Moscow : Algoritm : Eksmo, 2005 (in Russ.).
3. Marx K. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannye filosofskie raboty* [Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works]. Moscow, 2010. P. 303–358 (in Russ.).
4. Engels F. [Recording the speech of F. Engels about the Paris Commune]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Collected works]. 2nd ed. Moscow, 1960. P. 625 (in Russ.).
5. Lenin V. I. [The next tasks of the soviet government]. In: *Poln. sobr. soch.* [Collected works] : in 55 vols. Vol. 36. 5th ed. Moscow, 1974. P. 165–208 (in Russ.).
6. Lukach G. *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovanie po marksistskoi dialektike* [History and class consciousness. Studies in Marxist dialectics]. Moscow : Logos-Altera, 2003 (in Russ.).
7. Lukacs G. Lukacs on his life and work. *New Left Rev.* 1971. No. 68. P. 49–58.
8. Marcuse H. [The end of utopia]. *Logos*. 2004. No. 6. P. 18–23 (in Russ.).
9. Marcuse H. Re-examination of the concept of revolution. *New Left Rev.* 1969. No. 56. P. 30–38.
10. Marcuse H. The problem of violence and the radical opposition. In: D. Kellner (ed.). *Collected of papers* : in 4 vols. New York, 2005. Vol. 3. P. 56–75.
11. Zizek S. *13 opytov o Lenine* [13 experiments on Lenin]. Moscow : AdMarginen, 2003 (in Russ.).
12. Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Moscow : Praksis, 2004 (in Russ.).
13. Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: war and democracy in the age of Empire]. Moscow : Kul'turnaya revolyutsiya, 2006 (in Russ.).
14. Antipov G. A. [Parting with Marxism]. *Idey i idealy* [Ideas and ideals]. 2017. Vol. 1, No. 2 (32). P. 132–146 (in Russ.).
15. Balibar E. [From the class struggle to the classless struggle?]. In: Balibar E., Wallerstein I. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennyye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous identities]. Moscow, 2003. P. 177–210 (in Russ.).
16. Orlov S. V. [Marxism and formation of information society philosophy]. *Novye idey v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2015. No. 2 (23). P. 25–30 (in Russ.).
17. Orlov V. V. [Marxism and post-industrial society]. *Vestnik Vyatskogo gos. univ.* [J. Viatskii State Univ.]. 2010. Vol. 4, No. 4. P. 55–60 (in Russ.).
18. Castoriadis C. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [The imaginary institution of society]. Moscow : Logos, 2003 (in Russ.).
19. Lenin V. I. Materialism and empirio-criticism. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected of works] : in 55 vols. Vol. 18. 5th ed. Moscow, 1968. Vol. 18 (in Russ.).
20. Dmitriev A. N. *Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannyya Frankfurtskaya shkola (1920–1930-e gg.)* [Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and the early Frankfurt School (1920–1930)]. Moscow : Europ. Univ. at Saint Petersburg : Letnii sad, 2004 (in Russ.).
21. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow : Dobrosvet, 2009 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.01.2018.
Received by editorial board 26.01.2018.